
ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ
А.Ю. ИВАНОВ
ТАЙНЫ ЕГИПЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НАПОЛЕОНА

Андрей Иванов

Тайны египетской экспедиции Наполеона

Иванов А. Ю.

Тайны египетской экспедиции Наполеона / А. Ю. Иванов —

Автор предлагаемой книги рассматривает события знаменитого Египетского похода Наполеона. Каковы были предпосылки высадки французских войск в Египте? Кто принимал участие в военных действиях и политических интригах, как в дальнейшем сложилась их судьба? Какие исследования древней итории Египта проводились в ходе экспедиции? Какие тайны удалось разобрать ученым? Ответы на все эти и многие другие вопросы читатель найдет на страницах этой книги, написанной легким и живым языком.

© Иванов А. Ю.

Содержание

Часть первая 5
Академик Бонапарт 5
Египтомания 10
Креолка просится в Африку 15
Министр не в курсе дела 16
Ты видишь, что это за человек! 18
Отдых на пути в Египет 19
Рыцари и аргонавты 21
Город Александра 24
Испытание пустыней 26
Османы, янычары, мамелюки 29
Ослов в середину! 32
Академиков просят собраться 35
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Андрей Иванов
Тайны египетской экспедиции Наполеона

Часть первая
Паруса

Академик Бонапарт

Генерал Бонапарт был избран членом Института Франции 25 декабря 1797 года, через двадцать дней после триумфального возвращения в Париж.

Он вернулся, выиграв кампанию в Италии, продиктовав и собственноручно подписав договор в Кампо-Формио, и был восторженно встречен народами разных стран как генерал-миротворец.

Восхищались им и будущие жертвы французской политики. Королева Неаполя Мария-Каролина признавалась в письме маркизу Галло: «Я ненавижу партию, которую выбрал Бонапарт и которой он служит. Он Аттила и бедствие Италии, но я испытываю к нему чувства глубокого уважения и настоящего восхищения. Бонапарт станет великим человеком, и второго такого в Европе нет, во всех смыслах: воин, политик, дипломат. Я объявляю врагом того, кто это отрицает. Он будет самым выдающимся человеком нашего столетия».

В Момбелло, замке под Миланом, Бонапарт жил, как монарх, и имел настоящий двор.

Здесь нет преувеличения: генерал Республики – формально один из многих – удерживал подле себя австрийского посланника и папского представителя, посланников королей неаполитанского и сардинского, республик Генуэзской и Венецианской, герцога Пармского и швейцарских кантонов, нескольких германских государей. Там были все генералы, власти только что созданной Цизальпинской республики, депутаты городов. Множество курьеров из европейских столиц прибывали и отъезжали ежечасно. Знатнейшие дамы Милана ежедневно выражали почтение супруге Бонапарта Жозефине.

«Двор» совершил несколько поездок на озера Комо, Лаго-Маджоре, и на Борромейские острова. Бонапарт принимал итальянских и французских ученых и деятелей искусств.

Солнце, всходящее в дымке тумана. Низкие горы и холмы разных цветов и оттенков, казавшиеся островами среди моря облаков. Тихие воды горных озер. Неужели это не сон?

Но рано или поздно идиллия должна была закончиться. Сам Бонапарт рассуждал так: «Я хотел бы расстаться с Италией только затем, чтобы во Франции играть приблизительно такую же роль, какую я играю здесь. Но момент еще не настал: груша не созрела. К тому же не все зависит от одного меня. В Париже еще не достигнуто соглашение. Одна партия поднимает голову в пользу Бурбонов. Я не хочу содействовать ее торжеству. Мне необходимо когда-нибудь ослабить республиканскую партию, но только для себя самого. Пока же приходится идти об руку с республиканцами. Поэтому, чтобы ублаготворить парижских ротозеев, нужен мир, а раз он нужен, то заключу его я. Ибо если мир принесет Франции кто-нибудь другой, то это одно поставит его в общественном мнении гораздо выше, чем меня все мои победы».

Он пристраивает родственников: старший брат Жозеф теперь комиссар Республики в Парме, Люсьен – военный комиссар, Луи был его адъютантом в Италии, мать живет с дочерьми в Париже.

Исполнительная Директория Французской Республики организовала восторженный прием в его честь. Баррас произнес напыщенную речь, а затем, по словам Бурьенна, «бросился

в объятия генерала, который вовсе не любил таких выходок и дал ему так называемое тогда братское лобызание». Бонапарт вел себя не как подчиненный: он более походил на триумфатора.

Встречи с ним искали многие влиятельные политики. Бонапарт не принял большинства приглашений, но посетил другого члена Института – Шарля Мориса Талейрана, бывшего епископа Отенского.

Тот писал своему другу в Нью-Йорк: «Наконец настал момент подписания мира, прелиминарии подписаны раньше, и какой прекрасный мир! Какой человек наш Бонапарт! Ему еще нет 28 лет, а на его голову уже обрушилось столько славы, военной славы, славы храбреца и миротворца».

Избранный депутатом в Генеральные штаты в 1789 году, вовремя почуявший смертельную опасность Талейран сумел под благовидным (опять же научным) предлогом уехать за границу, где пробыл все время якобинской диктатуры. Вернувшись в сильно изменившуюся Францию, он стал ее министром иностранных дел.

Согласно Талейрану, это была его первая встреча с Наполеоном. Он отметил, что «двадцать выигранных сражений так идут к молодости, к прекрасному взору, к бледности, к несколько утомленному лицу». Проницательный политик оценил и другое: «Нерешительность и соперничество внутри Директории затруднили положение Бонапарта в первые недели его пребывания в Париже».

И это мягко сказано. Отношения генерала с пятью директорами постепенно дойдут до высшей точки кипения, а один из них (Ребель) в момент серьезного обострения конфликта заявит, что Директория готова подписать заявление Бонапарта об отставке с поста командующего 120-тысячной армией вторжения на Британские острова, коли тот такое заявление подаст.

На самом деле, Бонапарт невольно спровоцировал «друзей из Директории», а, услышав реплику Ребеля, понял, что дело зашло в тупик.

Бонапарт был назначен главкомом 26 октября 1797 года, ему было поручено подготовить экспедицию. Но с броском через Ла-Манш у него ничего не получится. Инспекция портов Булони, Кале, Дюнкерка и Антверпена, проведенная Бонапартом в сопровождении Ланна, Сулковского и Бурьенна 8-20 февраля, показала невозможность организации успешного нападения на Англию при тогдашнем состоянии французского флота. А потому, он займется Египтом (удар по Англии надо нанести не прямо, а на берегах Нила) и Институтом, где обретет новую точку опоры.

Французский Институт – высшая национальная инстанция по наукам, литературе и искусству – был создан в 1795 году взамен прежних академий, уничтоженных революцией. Академии были восстановлены в 1816 году, а впоследствии Французский Институт объединит Французскую академию, Академию надписей и изящной словесности, Академию наук, Академию изящных искусств и Академию моральных и политических наук.

«Его, – пишет Талейран в своих мемуарах, – подразделили на четыре разряда; разряд физических наук стоял на первом месте, разряд политических и нравственных наук занимал только второстепенное место. Меня назначили в моем отсутствии членом этого разряда». Как видим, надменный Талейран сожалел о том, что был выбран «по второму разряду».

Зато Бонапарт мог быть вполне удовлетворен. Он, способный математик, вошел в число «бессмертных» (так иронически называли членов Института) и оказался на своем месте (физико-математическое отделение, секция механики). Всю жизнь он будет отдавать безусловное предпочтение физическим и математическим наукам – дисциплинам, призванным, на его взгляд, принести быстрые и ощутимые практические результаты. А «военная наука и искусство состоят из всех наук и всех искусств» – эта мысль в редакции Редерера будет зафиксирована в первой прокламации правительства Бонапарта.

При избрании в Институт у генерала было одиннадцать соперников, и победитель двадцати битв получил наибольшее число голосов. Он занял место, освободившееся после исключения Лазаря Карно, обвиненного в роялизме и покинувшего страну после сентябрьского переворота 1797 года, и обратился к президенту Института Камю со следующим знаменательным посланием:

«Гражданин президент,

Люди избранные, члены Французской академии, сделали мне честь, приняв меня в число своих товарищей.

Я чувствую, что останусь надолго их учеником, прежде чем сравняюсь с ними.

Если бы я знал какой-нибудь другой способ показать им мое уважение, то употребил бы его.

Истинные торжества, которые не влекут за собою никаких сожалений, суть торжества над невежеством.

Самое благородное, равно как и самое полезное народное занятие, есть содействовать распространению человеческих знаний и идей.

Истинное могущество Французской Республики должно отныне состоять в том, чтобы ей не была чужда ни одна новая идея.

Бонапарт».

На церемониях он облачался в академическое платье. Генерал искренне гордился новым званием, и нам может показаться необычной форма его будущих обращений к своей армии и народу Египта. Прокламации будут подписаны «членом Национальной академии»: этот титул для него важнее воинского.

В обращении к армии от 4 мессидора VI года Французской Республики (22 июня 1798 года) он скажет о грядущих завоеваниях, призванных содействовать *просвещению и всемирной торговле* – и здесь наука на первом месте!

Со дня его избрания в члены Института (25 декабря 1797 года) до момента отплытия французской эскадры из Тулона (19 мая 1798 года) пройдет почти пять месяцев. Они будут насыщены не только береговыми инспекциями и подготовительными работами, но и интенсивными научными занятиями.

Открытое заседание Института, состоявшееся 4 января 1798 года по случаю избрания нового члена, стало главным событием дня.

«Бонапарт, – писала газета «Монитер», – прибыл на заседание без всякой помпы, скромно занял свое место, сдержанно внимал похвалам, расточаемым ему докладчиками и зрителями, и удалился. Ах, до чего же хорошо он знает человеческое сердце, и в особенности психологию народных правительств! Скромностью и непритязательностью вынужден порядочный человек добиваться у них расположения, которое невежды и пошляки неохотно оказывают ему повсюду, и реже, чем где бы то ни было, – в Республиках».

«Язык, мысли, манеры, – говорил Франческо Мельци, итальянский политический деятель, помогавший генералу Бонапарту в создании Цизальпинской Республики, – все в нем поражало, все было своеобразно. В разговоре, так же как и на войне, он был чрезвычайно находчив, изобретателен, быстро угадывал слабую сторону противника и сразу же направлял на нее свои удары. Обладая необычайно живым умом, он лишь очень немногими из своих мыслей был обязан книгам и, за исключением математики, не обнаружил больших успехов в науках. Из всех его способностей самая выдающаяся – это поразительная легкость, с какою он по собственной воле сосредоточивал свое внимание на том или ином предмете и по нескольку часов подряд держал свою мысль как бы прикованною к нему, в беспрерывном напряжении, пока не находил решения, в данных обстоятельствах являвшегося наилучшим. Его замыслы были

обширны, но необычайны, гениально задуманы, но иной раз неосуществимы; нередко он из-за мимолетного раздражения отказывался от них или же своей поспешностью делал выполнение их невозможным. От природы вспыльчивый, решительный, порывистый, резкий, он в совершенстве умел быть обворожительным и посредством искусно рассчитанной почтительности, и лестной для людей фамильярности очаровывать тех, кого хотел привлечь к себе. Обычно замкнутый и сдержанный, он иной раз, во время вспышек гнева, побуждаемый к тому гордостью, раскрывал замыслы, которые ему особенно важно было бы хранить в тайне. По всей вероятности, ему никогда не случалось изливать свою душу под влиянием нежных чувств».

То, что ученый Бонапарт преуспел главным образом в математике, подчеркивали и другие свидетели эпохи. Первыми это сделали преподаватели военной школы в Бриенне, где учился сын адвоката с Корсики. Годами позже то же самое отметит граф Меттерних в своих мемуарах: «Он не обладал большими научными познаниями. Его приверженцы особенно усердно поддерживали мнение, что он был глубоким математиком. Но то, что он знал в области математических наук, не возвышало его над уровнем любого офицера, получившего, как он, подготовку к артиллерийской службе; но его природные дарования восполняли недостаток знания».

«Эта мужественная душа, – напишет Стендаль, – обитала в невзрачном, худом, почти тщедушном теле. Энергия этого человека, стойкость, с какою он при таком хилом сложении переносил все тяготы, казались его солдатам чем-то выходящим за пределы возможного. Здесь кроется одна из причин неописуемого воодушевления, которое он возбуждал в войсках».

Мечтал ли гениальный полководец стать человеком науки? Зная его жизненный путь, в это трудно поверить. Но когда Бонапарт обдумывал свое будущее перед возвращением из Египта, и оно вовсе не казалось ясным (ранее он писал брату Жозефу, что исчерпал себя), то коротко упомянул о карьере ученого.

«Наука была его подлинной страстью», – отмечал участник экспедиции Этьен Жоффруа Сент-Илер.

После избрания в Национальный Институт генерал Бонапарт становится активным исследователем, хотя ведет себя подчеркнуто скромно.

Он семнадцать раз присутствовал на заседаниях Института, готовил доклады о различных научных открытиях. В первую очередь, это касалось нашумевшего изобретения Кюньо – парового автомобильного двигателя («паровой повозки»). Газета «Монитер» писала, что Бонапарт также сделал доклад о новой книге, опубликованной в Италии. Автор этого труда рассказывал об использовании компасов в геометрии Лоренцо Маскерони.

Бонапарт заговорил о содержании книги еще до своего избрания в Институт – на обеде, устроенном учеными. Как выяснилось, академики не читали произведения, изданного в Италии. Тогда генерал попросил карандаш и пару компасов и попытался растолковать знаменитостям некоторые теоретические положения. Лаплас, благосклонный экзаменатор Бонапарта в Парижской военной школе, был довольно ироничен: «Генерал, мы ожидали весьма многого от вас, но не уроков математики».

Как видим, с ним не церемонились – такова была атмосфера заведения. О ней и об Институте образца 1797—1798 годов рассказал французский историк Альбер Вандаль: «Это славное ученое учреждение, детище конституции, точно так же, как Директория и оба совета, являвшееся почти четвертой властью в государстве, было хранилищем доктрины; оно поставляло многих членов в правительственные учреждения и само отчасти вербовало в них своих работников. Прославленный, осыпанный высокими почестями, Институт имел в своих рядах предвестников великого научного движения, которое в наши дни преобразило мир; но правили и владычествовали в нем последние могикане энциклопедии, философы школы Кондильяка, будущие идеологи Бонапарта. То были по большей части люди суровой внешности, кротких нравов и надменного ума».

Одна из загадок Наполеона – почему он, будучи чрезвычайно восприимчивым к научным открытиям, не уделял достаточного внимания прогрессу вооружений?

Он отказался от парохода, как способа высадки в Англии, от воздушных шаров, которыми лишь развлекался. С 1804 года французские войска обстреливались пороховыми ракетами – он ничем не ответил.

В то время как Карно применял оптический телеграф для связи Парижа с Рейнским фронтом и создал две роты обслуживания аэростатов-разведчиков, Бонапарт отказался от использования последних.

Жан Тюлар считает, что Наполеон «не видел возможности применения научных открытий, доказав это во время египетской кампании».

На поле Ватерлоо он имел пушки, которые в сравнении с английскими были изделиями вчерашнего дня.

Можно вновь и вновь задаваться вопросами, почему он не сделал того или иного шага. Но все же лучше сосредоточиться на том, что он успел совершить.

Египтомания

Почему Бонапарт отправился в Египет?

Если большинство европейских войн той великой эпохи представляли собой борьбу коалиций феодально-монархических держав против революционной Франции, то афро-азиатские проекты Наполеона (египетско-индийский и русско-индийский) – большей частью не политические, а волевые, эмоциональные и авантюрные. Он был успешен в первых – то есть в битвах новой Франции против старой Европы – и потерпел фиаско во вторых.

В Европе он, по большому счету, мог бы обойтись без сложных социально-политических расчетов – ветер Французской Революции дул в его паруса. Ведь История, как и Природа, не терпит игр и фокусов. В конечном итоге, Бонапарт оказался плохим лоцманом, а его многоходовые комбинации – будь то в Азии, Африке или в России – окончились трагически.

Египетский проект амбициозного генерала не был замыслом гения-одиночки. И первенство принадлежало вовсе не ему.

Такой план предлагал в своем докладе 1672 года великий Лейбниц, но Людовику Четырнадцатому, который будет истощать страну войнами с европейцами, было не до Африки.

Всемогущий министр Шуазель рассматривал план колонизации Египта в 1769 году, но граф Верженн добился сохранения «дружеских» отношений с Константинополем.

Захват англичанами морских путей в Ост-Индию заставил французов вновь обратить внимание на Египет. Сент-Прист, королевский посланник в Константинополе, вернулся в 1777 году к предложению Лейбница и призвал «подорвать английское доминирование в Бенгале».

Его приемник Шуазель-Гуфье проводил дипломатический зондаж и настойчиво повторял рекомендации Лейбница и Сент-Приста. Писатели и исследователи Востока (ориенталисты) готовили умы. Среди них – аббат Рейналь, чье сочинение о европейцах в двух Индиях вышло в свет в 1770 году и было сожжено на площади (автор сохранил инкогнито).

Затем Константен Франсуа Вольней путешествует по Ближнему и Среднему Востоку и публикует в 1787 году примечательный труд, в котором описывает свой экзотический вояж.

Среди ранних сочинений на данную тему упомянем хорошо иллюстрированные книги о Ближнем и Дальнем Востоке путешественника и изобретателя Афанасия Кирхера.

Как видим, египетский поход начал готовиться еще во времена Бурбонов. В 1785 году французское правительство попыталось наладить торговые отношения с этой страной, чему способствовал деятельный Магеллон, консул в Александрии. С его помощью Шуазель-Гуфье заключил-таки с мамелюкскими беями соглашение, открывавшее французским торговцам транзитный путь через Египет к Красному морю, а оттуда в Ост-Индию.

Началась революция, но план не был забыт и привлек внимание исполнительной Директории Республики. Магеллон, которому предстоит сопровождать Бонапарта во время ужасного марша по пустыне, продолжал утверждать, что овладеть Египтом не столь уж трудно, а дельта Нила сказочно богата.

Стендаль указывает, что еще в 1796 году Директория поручила Бонапарту рассмотреть план вторжения в Египет. Он изучил его и вернул правительству.

На заседании Института 3 июля 1797 года Талейран, член Отделения моральных и политических наук, зачитал доклад, названный «Заключение о преимуществах, которые можно получить в современных условиях от новых колоний». Сообщение было воспринято с интересом.

Примерно в это же время Бонапарт беседовал со своим другом генералом Дезе в Пассариано и увлекал своего сверстника египетскими перспективами. 16 августа он пишет Директории: «Недалеко то время, когда мы поймем, что для действительного сокрушения Англии нам надо овладеть Египтом».

Таким образом, предлагаемая экспедиция не противоречила идее войны против Англии. Не имея возможности нанести ей прямой удар, можно было, захватив Египет, помешать «островитянам» использовать дорогу в Ост-Индию через Суэцкий перешеек.

Подготовка к экспедиции держалась в строгом секрете, чтобы избежать риска столкновения с грозным британским флотом. Оставалось убедить турецкого султана, пообещав тому, что экспедиция только укрепит авторитет Блистательной Порты.

Сам Бонапарт, читавший много и увлеченно, проштудировал «Мемуары о тюрках и татарах» барона де Тотта и «Историю арабов» Мариньи. Он предвидел и грандиозные перспективы, которые сулило строительство канала через Суэцкий перешеек.

Талейран и Бонапарт добились того, чего хотели. Директория приняла решение о завоевании Мальты и Египта, выслушав и одобрив доклад Бонапарта по итогам береговой инспекционной поездки, а 12 апреля издала нужные постановления (в том числе приказ о назначении Бонапарта главнокомандующим Восточной армией). При этом предполагалось использовать документы, подготовленные еще в 1776—1779 годах, когда планом диверсии занимался герцог де Брольи.

Теперь вооруженная нация, имеющая храбрых солдат и блестящих генералов, была готова к тому, чтобы взять реванш за поражение от англичан в Семилетней войне и связанные с ним потери (Канада, левый берег Миссисипи, колонии в Ост-Индии), и лишить Британию важных азиатских баз и торговых путей. А правительство этой нации было вовсе не против того, чтобы отправить опасного человека в дальнюю экспедицию, где он может «сломать себе шею» («Сабля удаляется», – скажет Баррас, когда корабли отчалят).

Бонапарт знакомит ученых с восточными планами, уже вполне оформленными. Вначале генерал поделился своими мыслями с математиком Монжем, бывшим министром и членом Якобинского клуба, который воспринял идеи с юношеским энтузиазмом.

Затем новый академик вышел к большой аудитории. С пылающим взором, держа в руках двухтомник Карстена Нибура («Путешествие по Аравии»), резко постукивая по дорогому кожаному переплету указательным пальцем, он говорил о задачах европейской науки.

Несколько недель спустя представители «четвертой власти», собрав все книги по Востоку, какие только можно было найти в стране, пренебрегая опасностями дальнего плавания (море «курировал» бесстрашный Горацио Нельсон, ничего не знавший о благородных научных целях предприятия) и, оставив свои семьи, займут места на кораблях армады линейных судов, фрегатов, корветов и бригов.

Стоит ли удивляться? Разве не так увлекал он за собой многие тысячи людей, вовсе не склонных к слепому подчинению, но свято веривших в то, что с ним они достигнут своих желанных целей?

Сколько ни предлагали ученые французским королям овладеть Египтом, после Людовика Святого не было героя, рискнувшего ступить на африканскую землю.

Придав экспедиции научный характер, Бонапарт придумал моральное оправдание всему, что он будет делать: «… чем станет эта прекрасная страна после 50 лет процветания и хорошего управления? Воображению предстает волшебная картина!»

Он говорит о цветущих городах и бурлящих жизнью портах, о многообещающей торговле с Индией, плодороднейших землях и новейших системах ирригации, судоходных каналах и верфях, ветряных мельницах и военно-морских учреждениях, об учетверении населения за счет эмиграции из Европы и сопредельных стран.

«… господствуя в Египте, Франция господствовала бы и в Индостане». «… несколько больших наций были бы призваны насладиться благами искусств, наук, религии истинного бога, ибо именно через Египет к народам Центральной Африки должны придти свет и счастье!!!»

Свет и счастье – не больше и не меньше! Так говорил он на Святой Елене и точно так же – тогда, в 1798 году, обращаясь к ученым, к своей армии и народу Египта.

В его обширном уме зародилась идея образовать *Комиссию по наукам и искусствам*. Бонапарт хотел, чтобы в экспедиции участвовали литераторы и художники, экономисты и инженеры.

Директория распорядилась передать в распоряжение генерала Бонапарта инженеров, художников, деятелей науки и культуры, а также средства, необходимые для осуществления научных изысканий.

«Комиссия по наукам и искусствам» состояла из 167 академиков, среди которых были Гаспар Монж, Бертолле, Доломье, Денон, главные инженеры путей сообщения Лепэр, Жирар, математики Фурье, Костаз, Корансез, астрономы Нуэ, Бошам и Мешен, натуралисты Жоффруа Сент-Илер, Савиньи, химики Декотиль, Шампи, Делиль, рисовальщики Дютертр, Редуте, музыкант Вийото, поэт Парсеваль Гранмезон, архитекторы Лепэр, Протэн, Норри, «глава воздухоплавателей» Конте, медики Ларрей и Деженетт.

К комиссии были прикреплены двадцать студентов Политехнического и Горного училищ (Жомар, Дюбуа старший, Ланкре, Шаброль, Розьер, Кордье, Реньо и другие). Подбором людей занимались Монж и Бертолле, им помогал военный инженер Каффарелли дю Фальга.

Библиотеку экспедиции (550 томов) формировал Жан Батист Сэй. Точнее сказать, он предлагал включить в каталог ту или иную книгу, однако все научные работы были отобраны самим Бонапартом. На покупку книг потратили 25 329 ливров.

Кроме специальной научной литературы, Бонапарт взял с собой книги для чтения: сочинения Плутарха, Полибия, Фукидида, Тита Ливия, Тацита, Рейналя, Вольтера, Фридриха Второго, Гомера, Тассо, Оссиана, Вергилия, Фенелона, Лафонтена, Руссо, Мармонтеля, Лесажа, Гете, Ветхий и Новый Завет, Коран (святые писания были отнесены им в раздел «Политика»), книги Вед, «О Духе Законов» Монтескье и древние мифы. В разделе «Поэзия» значились «Образцовые произведения французского театра» и «Избранные легкие стихотворения».

Наполеон очень любил Гомера, Оссиана, а из древних латинских историков – Плутарха и Полибия:

«Почему Гомеру отдали предпочтение все народы Азии? Потому, что он описывал приснопамятную войну первейшего народа Европы против самого процветающего народа. Его поэма – едва ли не единственный памятник той далекой эпохи».

«Я люблю стихи Оссиана, там много мысли, исполненной силы, энергии, глубины. Это – северный Гомер, он – поэт в полном смысле слова, поелику потрясает душу и трогает ее».

«Я никогда не мог одолеть больше одной страницы Тацита, это – невероятный болтун: Полибий же, напротив, – не какой-нибудь декламатор: он доставляет удовольствие и просвещает».

Особое внимание уделили научному оборудованию и приборам. Ими занимался Каффарелли дю Фальга. Сумма, потраченная на покупку оборудования, – 215 000 ливров.

Среди участников экспедиции были видные ученые эпохи.

Математик Гаспар Монж родился в 1746 году и обратил на себя внимание во время учебы в коллеже.

«Я уверен, – писал юный Гаспар в предисловии к своей работе, направленной в Туринскую академию, – что идеи часто остаются бесплодными в руках людей обыкновенных, а искусные математики извлекают из них большую пользу».

С этим трудом ознакомился Лагранж, математик с мировым именем. Он написал о молодом Монже: «Этот пострел со своим «происхождением поверхностей» идет к бессмертию».

В 1780 году Монж был назначен профессором Политехнической школы, а в Нормальной школе читал курс начертательной геометрии (он считается ее основателем).

В дни революции ученый пошел в политику, записался в Якобинский клуб, а в 1792 году был назначен морским министром. Первым делом он приказал офицерам, командированным в столицу, квартировать в здании министерства и предупредил об этом начальство всех портов Республики. Так он проявил заботу о подчиненных, а те рассказывали ему обо всем, что происходит на морских границах Франции.

Великий геометр обладал недюжинными познаниями и в других науках. Когда он ушел в отставку с поста министра, Франция переживала трудные времена борьбы с державами европейской коалиции. Армии не хватало пороха и боеприпасов. До революции страна получала селитру, используемую для изготовления пороха, из Индии. Теперь этот путь перекрыли англичане.

Комитет общественного спасения обратился за советом к ученым и получил его не от химиков, а от математика! Вот что предложил Монж: «Селитры достаточно во французской почве, в конюшнях, погребах и на кладбищах. Вы даже не представляете, как ее там много. Селитры добудем вдоволь и через три дня зарядим порохом все пушки».

Это казалось шуткой, но люди – в первую очередь женщины, старики и дети – все же взялись за дело, копаясь в земле днем и ночью. Через несколько дней порох действительно был, и в нужном количестве.

В Парижской военной школе Наполеон учился у Людовика Монжа, брата Гаспара Монжа. Те же, кому выпала честь быть учениками самого великого человека, надолго запомнили его необычные педагогические приемы. Заметив «на галерке» нерадивого студента, Монж немедленно повторял только что произнесенную речь, меняя лишь слова и их порядок. Если и это оказывалось бесполезным, то он отпускал всю группу, кроме отстающего, садился рядом с ним и читал лекцию заново. Вступительное слово к этому замечательному акту было таким: «Я, мой друг, начну повторение с того места, с которого ты перестал меня понимать».

Химик Клод Луи Бертолле родился в 1748 году. Он изучал медицину, в 1780 году стал академиком, а в 1794-м – профессором Нормальной и Политехнической школ. Бертолле изучал процессы образования и распада солей и кислот.

Математик Жан Батист Жозеф Фурье родился в 1768 году и воспитывался в Военной школе, находившейся в ведении монахов-бенедиктинцев. Он обратил на себя внимание выдающимися способностями и был оставлен при Школе преподавателем математики. В 1795 году, когда в Париже открылась Нормальная школа, Фурье по рекомендации Монжа был приглашен туда, а через некоторое время получил кафедру математического анализа в Политехнической школе.

Геолог Деода Ги Сильвен Танкред Гратэ де Доломье родился в 1756 году. В юности стал мальтийским рыцарем. За убийство на дуэли был заключен в тюрьму, где занимался науками. После освобождения много путешествовал и собрал богатую минералогическую коллекцию. Позднее получил кафедру в Горной школе.

Механик и живописец Николя Жан Конте родился в 1755 году. Он увлекся воздухоплаванием, а в 1792 году предложил использовать воздушный шар для наблюдения за неприятелем. Его назначили директором Аэростатического института и начальником Бригады аэронавтов.

Общество знало его только по «карандашам Конте». Наполеон дал такую характеристику этому незаурядному ученому: «Конте – глава воздухоплавателей, универсальный человек, имевший вкус к искусству, знавший его и проникшийся его духом, особенно ценный в отдаленной стране, умевший все, способный воссоздать искусства Франции посреди аравийских пустынь». Оценка Монжа столь же высока и предельно лаконична: «В голове у него все науки, а в руках – все искусства».

Художник Пьер Жозеф Редуте родился в 1759 году. Он давал уроки рисования и живописи придворным дамам и членам королевских семей, в числе которых будут вторая жена

Наполеона Мария Луиза и герцогиня Беррийская. Многие издания по ботанике иллюстрированы при участии Редуте, в том числе знаменитая «Монография роз».

Видных ученых в составе экспедиции было немного. Тем не менее, Наполеон, диктуя воспоминания на острове Святой Елены, безошибочно воспроизведет имена нескольких молодых ученых и даже студентов.

Самому юному, Вьярду, было всего пятнадцать лет (он был «прикреплен» к Фурье), самому опытному, Вантюру де Паради, – пятьдесят шесть.

Ученые согласились ехать, но не знали, куда направляются. Жена Монжа Катерина раздраженно заметила: «Я дала ему выпить целую бутылку шампанского, но он до сих пор ничего мне не сказал» (дело было 6 апреля).

Все абсолютно доверились генералу. Следующие примечательные слова, произнесенные Домиником Виваном Деноном, мог бы повторить любой из почти двух сотен ученых: «Одного слова героя, командующего экспедицией, для меня достаточно, чтобы решиться. Он обещал, что доставит меня обратно в целости и сохранности, я не сомневаюсь в этом».

Все были чрезвычайно воодушевлены и полны лучезарных надежд. Позже один из ученых напишет: «Мы не знали, куда нас поведет Бонапарт, но хотели, чтобы он нас повел».

«Сколько времени мы проведем в Египте? – переспросил Бонапарт Бурьенна. – Шесть месяцев или шесть лет… Нам всего двадцать девять; а будет тридцать пять. Если все пойдет хорошо, мне хватит шести лет, чтобы добраться до Индии».

«Вот и я превратился в аргонавта», – иронизировал Монж.

Креолка просится в Африку

Женщин не берут на корабли, отправляющиеся в дальнее плавание.

Это правило моряков, изредка нарушаемое лишь избранными, действует многие века. Собирался ли Бонапарт взять с собой Жозефину?

Отправляясь в первый поход в Италию, он даже не заикался об этом. Мог ли обеспечить покой любимой женщины тот, кто тонул в болоте и бросался на мост под ядра? Он позовет ее, когда победит врагов, и отведет любимой почетное место во дворце – как королеве.

Но ему пришлось долго уговаривать супругу, а та вновь и вновь находила предлоги для отсрочки опасной поездки. Наконец, совсем изолгавшись (последним доводом была мнимая беременность), она приехала, – но с любовником, капитаном Ипполитом Шарлем, адъютантом генерала Леклерка!

Мысль о том, чтобы взять ее с собой во второй поход казалась Бонапарту вполне естественной. В этот раз он вполне мог гарантировать безопасность очаровательной и неверной супруге – ученым же он дал подобные обещания! Оставить ее одну на неопределенный срок – значит вновь рисковать репутацией «добропорядочной супружеской пары».

Жозефина, близкая к развратному вождю – директору Полю Баррасу – участвовала в преступных спекуляциях, связанных с армейскими поставками, в результате которых солдаты получали сапоги на бумажной подошве, а Республика платила за этот товар звонкой монетой. Воины не имели жалованья (только начав масштабные грабежи и реквизиции, Бонапарт обеспечил свою армию денежным довольствием), тогда как дельцы исправно получали от государства авансы и расчеты.

Наполеон, его братья Жозеф и Люсьен знали и о супружеских изменах Жозефины, и о махинациях с поставками. Они устраивали госпоже Бонапарт нелицеприятные допросы, от которых та приходила в полное отчаянье.

«Ипполит, я покончу с собой, да я покончу с этой жизнью, если не смогу посвятить ее полностью тебе. Увы, что я сделала плохого этим чудовищам?»

(Чудовища – это Наполеон, Жозеф, Люсьен, сестры, их мать. Как не похожи эти мрачные, самовлюбленные и подозрительные Бонапарты на легкого, остроумного и умеющего поддержать хорошее настроение капитана Шарля!)

Безусловно, Жозефина заслуживала наказания, но великодушный Бонапарт не тронул ни Ипполита, ни вороватого торговца Бодена. Вместо этого он выкупил особняк на улице Победы, в котором жила «молодая пара».

В ответ на это супруга, которая в критические минуты всегда умела «подобрать ключик» к сердцу мужа, вдруг вызвалась сопровождать генерала в Египет!

Наполеон был тронут, семейная гармония восстановилась.

Они стали мечтать о покупке загородного особняка. Вот почему весь мир знает о Мальмезоне! Прелестное имение мсье Лекульта восхитило обоих.

Однако не следует забываться! Впереди – Египет, а, может быть, Индия!

Министр не в курсе дела

Главнокомандующий Английской армией объехал лагери на побережье Ла-Манша, но то было лишь прикрытие восточного похода.

Из городов Фландрии и Бельгии он слал нарочных, которые доставляли его приказы к южному морю. Флот, конвой, армия – все было подготовлено за несколько многотрудных недель. Он переписывался с генералом Каффарелли дю Фальга, находившимся в Тулоне, Ренье в Марселе, Бараге д'Илье в Генуе, Дезе в Чивита-Веккии, Вобуа на Корсике. Эти пятеро делали заготовки продовольствия, собирали разнообразный багаж и вооружали суда с огромной энергией. Перевозили лошадей, складировали фураж, переоборудовали боевые корабли в транспортные суда, создавали запасы артиллерийских снарядов, амуниции, медикаментов, перевязочных средств.

Не все было ладно с дисциплиной: Директория задерживала выплату жалованья солдатам и матросам. Сухопутный генерал Бонапарт столкнулся и с проблемой комплектации судов экипажами.

«Вице-адмирал Брюэйс – офицер старого флота, который за год до того командовал флотом в Адриатике, считался одним из лучшим военных моряков Республики, – писал Наполеон. – Две трети кораблей имели хороших командиров, но одной третью командовали люди, неспособные к этому».

Главнокомандующий сочетал «панорамный взгляд» на постоянно меняющуюся военно-политическую ситуацию с величайшей пунктуальностью, а размах – со скрытностью. В портах погрузки запретили причаливать торговым судам.

«Бонапарт трудился день и ночь над исполнением своего плана, – вспоминает Бурьенн, – я никогда не видал в нем столько деятельности».

Весь план держался в строжайшем секрете – даже военный министр Шерер не знал о приготовлениях. Во времена, когда роялистские заговоры были в порядке дня, а агентами Бурбонов, влиятельных эмигрантов и иностранных держав становились даже самые высокопоставленные чиновники и военные, правительство посвящало в свои замыслы лишь немногих.

15 апреля работы в пяти портах были в основном завершены, моряки ждали приказов об отплытии судов.

Нескольким конвоям предстояло объединиться в открытом море – как смело, как рискованно! Любая ошибка могла сделать большую флотилию легкой добычей неприятеля, но этого не случилось. Одна из очевидных слабостей грандиозного предприятия – рассредоточенность морской армады – так и не была использована англичанами.

Высадка на африканский берег должна была состояться не позднее начала июля – с тем, чтобы экспедиционному корпусу не помешал подъем нильских вод, жертвами которого когда-то стали крестоносцы Людовика Святого. Важно было использовать доминирующие в начале лета ветры для облегчения броска из Тулона в Александрию и движения вверх по Нилу.

Ранним утром четвертого мая в походной коляске, отправлявшейся с парижской улицы Победы (бывшей Шантерен), разместились трое: полуспящая Жозефина, нервный Бонапарт и милейший секретарь Бурьенн.

Далее – на корабле по Роне, затем снова в коляске, которая однажды едва не перевернулась. Терпению вождя пришел конец, он вскочил на лошадь и помчался в Тулон, где его ждали генералы и семнадцатилетний Евгений Богарне, сын Жозефины.

«Когда все приготовления были закончены, – продолжает Наполеон, – произошел инцидент с Бернадотом в Вене, заставивший опасаться возобновления войны на материке. Отплытие армии было отложено на 20 дней, что поставило ее под угрозу. Тайна была раскрыта, и в Лондоне успели узнать о всех приготовлениях, сделанных в Италии».

10 мая Бонапарт провел большой смотр армии и пообещал солдатам, что по возвращении во Францию у каждого из них будет достаточно денег, чтобы купить шесть арпанов земли.

«Господа офицеры и солдаты!

Два года тому назад я принял начальство над вами: в то время вы находились около Генуи, терпели во всем недостаток, даже до того, что многие из вас должны были продать свои часы, чтобы добывать дневное пропитание. Я обещал, что помогу вашему горю, и привел вас в Италию, где вы нашли всего вдоволь… Правда ли? Сдержал ли я слово?»

Войско отвечало единогласно: «Правда!»

Бонапарт продолжал:

«Так знайте же, что вы еще не все сделали для отечества, и что отечество еще не все сделало для вас.

Теперь я поведу вас в страну, где ваши подвиги превзойдут все то, что вы уже совершили и чему удивляется Вселенная; вы там окажете отечеству те заслуги, которых оно вправе ожидать от армии непобедимых.

Даю слово, что по возвращении из этого похода каждый солдат будет иметь на что купить шесть десятин земли.

Вам предстоят новые опасности, которые разделит с вами наш флот. Наш флот не имел еще случая увенчаться лаврами и не приобрел еще славы, равной вашей; но мужество моряков не уступит вашей храбрости: они решились побеждать и с вашей помощью исполнят свое намерение.

Передайте им вашу уверенность в непобедимости, которая никогда не была обманута; помогайте им в их усилиях; живите с ними в том согласии, которым отличаются люди единодушные и преданные успехам одного и того же дела; помните, что и наши морские войска стяжали права на народную признательность.

Приучитесь к морским маневрам; внушайте ужас врагам и на суше и на море; подражайте в этом случае римским воинам, которые победили Карфаген в открытом поле и разбили карфагенян на их кораблях».

«Да здравствует Республика!» – кричали ему в ответ.

Но сама страна пока не названа.

Ты видишь, что это за человек!

Плохая погода заставила отложить выход в море еще на несколько дней.

Креолка осталась на берегу. Разыграв спектакль, она легко убедила мужа в том, что очень слаба и нуждается в лечении. Конечно же, она приедет позднее!

Из письма дочери Гортензии:

«Вот уже пять дней я в Тулоне. Я не устала от дороги, только очень огорчена, что так внезапно уехала и не успела попрощаться с тобой… Милая доченька, меня утешает надежда, что скоро я тебя смогу обнять. Бонапарт не хочет, чтобы я ехала с ним, он хочет, чтобы я поехала на воды и подлечилась, а потом уже отправилась в Египет. Через два месяца он пришлет за мной. Итак, моя Гортензия, скоро я вновь прижму тебя к сердцу, и ты увидишь, как я тебя люблю».

Она поднимается на борт «Ориона» (или «Восточного», по словам Наполеона – «одного из лучших кораблей, обладавшего всеми качествами, каких можно было пожелать»).

Девятнадцатого мая 1798 года. Шесть часов утра. Рядом с ней – муж, его младший брат Луи, юный Евгений.

Уж флот Египетский загружен
И пушками, и лошадьми.
Креолка молодого мужа
Молила – и меня возьми!
Или останься! Домик купим
И счастие познаем в нем.
Я без тебя умру от скуки,
А в доме вместе мы умрем.
И оба плакали, прощаясь.
И плыл он к дальним берегам.
С победой новой возвращаясь,
Трофей бросал к ее ногам.
Когда в долине нелюбезной
Он одиноко угасал,
Не о победе бесполезной —
О домике одном мечтал.

Жозефина сходит на берег, приближается к зданию интендантства. Звучит военный оркестр, флагман «Орион» покидает бухту.

Креолка машет платочком.

Вдруг корабль качнулся, зацепив дно. «Плохой знак», – подумали многие.

(Как и падение вождя с лошади перед Неманом.)

Дул сильный западный ветер. 40 военных кораблей и 130 транспортных судов покидали тулонский рейд весь день.

Обладавший тонкой наблюдательностью попутчик обращается к Жюно, кивая в сторону Бонапарта: «Ты видишь, что это за человек: если бы ему понадобилось, он бы любого из нас не задумался выкинуть за борт, но в угоду ему мы и сами все кинулись бы в воду, не дожидаясь его приказа!»

Отдых на пути в Египет

При отплытии из Тулона Бонапарт публично заявил, что эта экспедиция – «правое крыло армии, предназначенной действовать против Англии».

Его приказы будут оформлены следующим образом: «Английская армия, главная квартира».

Тайна маршрута так хорошо сохранялась, что курс следования флотилии Брюэйса не был известен даже офицерам генерального штаба.

Англичане заметили приготовления, но могли только догадываться о конечной цели Бонапарта. Став жертвами кампании дезинформации, организованной Директорией, британцы строили предположения относительно Неаполя, Сицилии, Португалии, Ирландии. Ведь контр-адмирал Вильнев однажды уже готовил экспедицию в Ирландию (в конце 1796 года), но союзники-испанцы потерпели поражение от англичан, и смелый план расстроился.

Брюэйс командовал флотом, а Бонапарт – всем и вся. Он признает, что «часто жаловался на то, что линейные корабли держатся слишком далеко друг от друга, но никогда не вмешивался ни в какие детали, требовавшие знаний и опыта в морском деле».

Адмирал вовсе не был уверен в своих силах и говорил Бурьенну, что флот очень плохо снаряжен. Появись Нельсон, – он, Брюэйс, ни за что не отвечает.

Тянулись однообразные дни. Многие страдали от морской болезни, включая «двужильного» Бонапарта. Это ли не знак того, что море – чуждая ему стихия?

Перед отплытием он попросил Брюэйса, чтобы тот оборудовал хорошую кровать, как для больного. Приказ был добросовестно выполнен: кровать стояла ножками на четырех подвижных шариках, «что делало для него менее чувствительною причиняемую качкою дурноту, коею он очень страдал».

Бурьенн, рассказавший нам эти подробности, сидит у генеральской кровати и читает вслух Плутарха, Гомера, Коран. После обеда Бонапарт проводит заседания Института. Назначает оппонентов, отстаивает тезисы и внимает чужим речам. Предпочтение отдает тем, «которые искусно защищали нелепые предложения».

Что обсуждали? Разные образы правления, стратегию, математику, астрономию, химию, религию. И даже суеверия. Продолжался спор о сотворении мира. Ведь все так просто – надо лишь принять одну из точек зрения: Бог есть и участвует в наших делах, он есть, но не участвует… или его нет?

«Иногда он спрашивал, – обитаемы ли планеты; в другой раз – давно ли существует мир; потом задавал предметом для рассуждений вероятность разрушения Земного шара водою или огнем; наконец справедливость и ложность предчувствий и истолкования снов».

Большинство собравшихся в каюте – атеисты и республиканцы. Каффарелли дю Фальга, чей разговор, по оценке Бурьенна, «отличался живостью, умом и веселостью», одаренный пылким воображением Монж, все же имевший «некоторую склонность к набожности, согласовавшуюся с понятиями Наполеона», материалист Бертолле с его отвлеченным умом. Этот материализм более всего не нравился генералу.

Кем был он сам? К кому обращался в ночь перед Ватерлоо, шепча грохочущим небесам «мы заодно»?

«Мы заодно». Так не разговаривают с Богом. «Заодно» бывают только с равными.

Атеист? Стихийный деист? Верующий?

«Я умираю в римской апостолической вере», – будет диктовать он на смертном одре.

Но до этого еще очень далеко – больше двух десятилетий.

Он еще не насытился. И сейчас рвется в африканское пекло, чтобы «заполнить время» и стать халифом на час. Отдохнуть перед решающим рывком. Тем самым, который даст ему власть большую, чем у короля.

Звезда и Судьба – эти слова он пишет с больших букв.

Когда Звезда померкнет после Абукира, а затем скроется за стены Сен-Жан-д'Акра, он будет умолять ее вновь явиться его острому взору. Циничные парижские вожди вскроют конверт от Бонапарта, проделавший путь в сотни лье, и прочтут слова с заглавными буквами.

Трижды она поможет ему избежать гибельных встреч с морскими львами – по дороге в Египет, на обратном пути, и, наконец, когда он помчится в последнюю материковую гастроль.

Одиссей, бросивший вызов Богам, он будет ждать ее света московскими ночами, но они принесут лишь тупую бессонницу.

Впервые он вырвался на простор. Нужно быть подальше от Европы, этой «кротовой норы»! Ведь истинно великие дела вершатся на Востоке.

В Италии он отчитывался за каждый шаг, а «адвокаты» из Директории могли снять его с должности в любой момент. Однажды они, напуганные его растущей славой, решили разделить победоносную армию надвое, но он дал достойный отпор завистникам.

«Во время моих итальянских кампаний Директория только и делала, что тявкала; она пробовала мне указывать: в ответ я посылал ей мадонн из чистого серебра, она умолкала, и моя армия продолжала идти вперед».

В Египте он будет настоящим властителем, а не просто генералом, одним из многих, и его натура обретет небывалый размах и могучее единство.

«Когда хорошая погода позволяла, то он выходил на палубу, которая своей обширностью действительно уподоблялась гульбищу».

«Когда человек подал в море, то главнокомандующий не мог успокоиться до тех пор, пока его не спасали».

Он слушал музыку и смотрел в море, выглядывая Нельсона. Навстречу попадались корабли. Бонапарт беседовал с капитанами и забрасывал их вопросами: откуда и куда плывете? В конце разговора просил их обещать, что никому не расскажут о встрече с большой французской эскадрой.

Что там молвят граждане Монж, Бертолле, Каффарелли и эти рубаки-безбожники, не боящиеся ни черта, ни дьявола? естество и европейский рацио? космос вполне объясним, ведь Лаплас уже это сделал? долой сверхъестественное?

– Говорите, что хотите, – бросил он им, – а кто все-таки сотворил все это?

И кивнул на звездную россыпь.

Девятого июня он увидел на горизонте каменную глыбу мальтийской крепости.

Рыцари и аргонавты

Две трети мальтийских рыцарей были французами.

Родина вспомнила об этих богатых людях еще в младенческие годы революции, а в 1792-м (19 сентября) объявила их имущество национализированным.

Когда рыцари лишились своих владений во Франции, Англия предложила обиженным протекцию, а русский царь Павел – финансовую помощь (для этого он изъял деньги у поляков).

Став в 1797 году гроссмейстером «Большого православного приората», Павел начал посвящать подданных своей империи в рыцари.

Австрия тоже имела виды на Мальту, а 54-летний великий магистр Гомпеш был настроен проавстрийски.

Бонапарт предложил Директории захватить остров еще в 1797 году. Обдумывая египетско-индийские проекты, он видел, что Мальта – важный пункт на этом пути.

Французы предусмотрительно направили на остров своих агентов, чтобы подготовить умы должным образом. Но подорвать Орден изнутри не получилось. «Бонапарт очень рассердился на людей, посланных из Европы для того, чтобы это дело устроить; однако же один из них, г-н Доломье, раскаялся в принятой им на себя порученности…» «Посселгуэ сделал все что мог в этой попытке к подкупу, но не имел совершенно успеха», – пишет Бурьенн.

Главной причиной захвата Наполеон впоследствии назвал ту, что остров отдался под покровительство императора Павла – врага Франции: «Это оскорбляло римско-католическую религию и клир». «Ища покровительства на севере, Орден не принял во внимание и поставил под угрозу интересы держав юга».

Гомпеш имел 332 рыцаря, способных драться, 3 600 человек в гавани и 13 000 милиционеров. Слишком мало для того, чтобы противостоять Восточной армии Бонапарта!

Тот пренебрежительно отозвался о рыцарях, как о людях неспособных. Да и другие солдаты (итальянцы, немцы, французы, испанцы) не лучше – «большей частью дезертиры или авантюристы, которые с тайной радостью отнеслись к возможности соединить свои судьбы с судьбой самого знаменитого полководца Европы».

Великий магистр созвал совет. Что делать? Одни говорили, что надо объявлять тревогу – ведь, имея неплохой арсенал и запас продовольствия на три года, можно упорно сопротивляться. Другие напоминали, что Орден иоаннитов (Святого Иоанна Иерусалимского) призван вести войну с туркам, а не с христианами.

Пока шла дискуссия, французский адъютант потребовал пропустить корабли в порт. И вновь партии войны и мира стали доказывать друг другу преимущества разных способов поведения. Верх взяли первые, после чего рыцари взялись за оружие.

Однако командор Буаредон де Рансюэ, принадлежавший к овернскому «языку» (всего на Мальте было семь языков, три из них – французские), заявил, что не поднимет оружие против Франции. Несколько рыцарей высказались в том же духе, но их арестовали и отправили в тюрьму.

Защитники, готовые постоять «за родину», распределились по островам, батареям и башням.

Коммерсант Каруссон, который вел дела французов на острове, вечером 9-го июня сообщил Бонапарту волю Совета. В ответ генерал просил передать великому магистру следующее: «Главнокомандующий возмущен тем, что вы не желаете разрешить набирать воду более чем четырем кораблям одновременно; действительно, сколько времени понадобится 400—500 судам для того, чтобы получить подобным способом воду и все остальное, в чем они сильно нуждаются? Этот отказ тем более удивил главнокомандующего, что ему известно, какое предпочтение оказывается англичанам и какую декларацию обнародовал ваш предшествен-

ник. Главнокомандующий решил взять силой то, что должны были ему предоставить, руководствуясь законами гостеприимства, которые являются основой вашего ордена; я видел, сколь значительны подчиненные ему силы, и предвижу, что остров не сможет обороняться… Главнокомандующий не пожелал, чтобы я вернулся в город, который он считает себя обязанным рассматривать впредь как вражеский… Он отдал приказ о том, чтобы религия, обычаи и собственность мальтийцев уважались».

Главнокомандующий приказал готовиться к бою. Утром начался штурм. Сам Бонапарт высадился с отрядом в 3 000 человек между городом и бухтой Святого Павла. Защитники отстреливались, и даже сделали отчаянную вылазку. Но явное неравенство сил заставило их начать переговоры.

Ранним утром следующего дня представители великого магистра явились на борт «Ориона» с полномочиями, необходимыми для заключения соглашения о капитуляции. Во главе их был командор Буаредон де Рансюэ, освобожденный из тюрьмы (после чего, по словам Наполеона, народ носил его на руках, как триумфатора).

Мальта сдалась на милость победителю. Бонапарт поступил с островом так, как он позднее будет обходиться со многими державами, городами и островами.

Вводится гражданский кодекс. Рабство отменяется, все турецкие невольники, среди них были уроженцы Триполи, Алжира, Туниса, Марокко, Дамаска, Сирии, Смирны и Константинополя, освобождаются. Ликвидируются все феодальные права и привилегии. Создается новая администрация (комендант острова – генерал Вобуа, французский гарнизон – 4 000 человек), формируются муниципалитеты, назначаются судьи. Бонапарт реформирует систему образования, учреждает начальные и средние школы и формулирует новые принципы политики просвещения.

Им организуются 15 начальных школ, а мальтийский университет заменяется «центральной школой». В этой школе должны изучать право, арифметику и стереометрию, алгебру, геометрию, астрономию, химию, механику и физику, навигацию.

60 детей богатейших семейств в возрасте от 9 до 14 лет должны быть направлены в Париж для обучения в коллежах.

Сам Орден был упразднен, члены его высланы, сокровища изъяты.

Из мальтийцев, говоривших по-арабски, Бонапарт организовал отряд – с тем, чтобы они стали переводчиками и разведчиками.

Все это он сделал за считанные дни. Что дальше?

«Собираются ли возвысить снова Афины или Спарту? Будет ли трехцветное знамя водружено на серале или же на пирамидах и развалинах древних Фив? Или же из Алеппо направятся в Индию???»

Так, якобы, вопрошали солдаты Восточной армии (разумеется, подлинно римский дух, которым пропитаны эти слова, не оставляет сомнений в их авторстве).

А что мог думать Горацио Нельсон?

Члены экспедиции наслаждались дарами Мальты. Бонапарт гулял в садах гроссмейстера Ордена, «прекрасно содержанных и украшенных великолепными апельсиновыми деревьями». Бурьенн говорит, что «мы с удовольствием лакомились их фруктами, казавшимися нам при чрезвычайной жаре еще более вкусными».

Пробыв на острове неделю, эскадра подняла якоря.

Наконец, вождь «франков» прояснил свои намерения:

> «Бонапарт, член Национальной академии, главнокомандующий войсками.
>
> На корабле «Орион», 4 мессидора VI года (22 июня 1798 года).
>
> Воины!

Вам предстоит сделать завоевание, последствия которого будут неисчислимы как в отношении к просвещению, так и к всемирной торговле. Вы этим нанесете Англии самый верный и самый чувствительный удар в ожидании того, которым совершенно сокрушите ее.

Нам придется сделать несколько трудных переходов; дать много сражений; мы успешно исполним наши преднамерения; за нас судьба. Беи мамелюков, которые исключительно благоприятствуют английской торговле, которые наносят неприятности нашим негоциантам, которые тиранят бедных обитателей берегов Нила, эти самые беи через несколько дней после нашего прибытия не будут более существовать.

Народы, с которыми вы будете в сношениях, магометане; их первая заповедь: Нет Бога кроме Аллаха, и Магомет пророк Его. Не спорьте с ними; поступайте с магометанами, как поступали с евреями, как поступали с итальянцами; обращайтесь почтительно с их муфтиями, с их имамами, как обращались с духовными лицами других народов.

Римские легионы покровительствовали всем религиям. Вы встретите здесь обычаи, отличающиеся от обычаев европейских: привыкайте к ним.

Народы, к которым мы идем, обращаются с женщинами не так, как мы; но того, кто насилует, во всякой стране считают за изверга.

Грабеж обогащает немногих, бесчестит всех, уничтожает ресурсы и делает нашими врагами тех, чье благорасположение нам нужно.

Первый город, который мы встретим на нашем пути, сооружен Александром; мы на каждом шагу найдем великие воспоминания, достойные воспламенить дух французов».

Город Александра

Счастливо избежав встречи с эскадрой Нельсона, французский флот приблизился к Александрии вечером 30 июня 1798 года.

Благополучное прибытие армады, состоявшей из 293 кораблей и судов, двигавшихся с разными скоростями и не имевших опыта перестроения, уже само по себе было успехом.

Когда Бонапарт узнал, что англичане были здесь сорок восемь часов назад и направились на дальнейшие поиски его эскадры, он принял решение высаживаться немедленно. Не дожидаясь рассвета и невзирая на рифы, туман и удаленность кораблей от береговой линии.

Брюэйс предлагает подождать до утра. Бонапарт непреклонен:

– Адмирал, нам нельзя терять времени. Фортуна дает мне только три дня; если я ими не воспользуюсь, то мы погибнем.

Все время плавания море было спокойным, но в тот вечер вдруг забурлило («северный ветер дул с жестокостию; море бушевало, разбивалось о каменные рифы, опоясывающие берег», – вспоминает начальник главного штаба генерал Бертье).

Путь лодок до земли был долгим и опасным. Шлюпки переворачивались, двадцать человек утонули.

Когда сам вождь ступил на катер, адмирал Брюэйс подал ему руку. Видя удаляющуюся посудину с Бонапартом на борту, морской волк воскликнул: «Счастье покидает меня!»

«Эти слова оказались пророческими!!!» – Наполеон ставит три восклицательных знака.

(До катастрофы Абукира, когда неистовый Нельсон настигнет французскую эскадру, атакует ее с двух сторон и уничтожит, оставался ровно месяц.)

Прибытие научной экспедиции на африканский континент также началось с потери: вместе с «Патриотом», который не нашел входа в порт и затонул, пропали точные инструменты и многие материалы. Бурьенн говорит, что пучина поглотила несколько транспортных судов.

«Мы приняли к себе на руки генерала Каффарелли, которому деревянная нога не позволила вскочить в шлюпку в минуту ее поднятия».

Лошадей бросали в море, люди тащили их за лодками до самого берега. Большинство солдат, кроме артиллеристов и кавалеристов, успело высадиться до рассвета, но пехотинцев пришлось долго собирать на берегу и делать переклички.

Все умирали от жажды, но нигде не было пресной воды. Бонапарт многое предусмотрел, но забыл про фляжки. Тем не менее, вместе с приказом о высадке он потребовал запастись водой.

Где безопаснее – на борту или на земле? Граждане Монж и Бертолле остались на корабле, но многие ученые сошли на берег.

«Ярко светила луна. Беловатая сухая почва Африки была освещена как днем. После долгого и опасного плавания люди очутились на взморье древнего Египта, населенного восточными нациями, чуждыми нашим нравам, нашим обычаям и нашей религии… Сколько опасностей, сколько событий, сколько случайностей, сколько утомительных трудов впереди!» – восклицает Наполеон.

Перед ним – город, основанный Александром Великим, заключенный между морем и Мареотидским озером.

У Бонапарта большие виды на этот город. Читая аббата Рейналя, он проникся убеждением, что Александрия, при правильном управлении, непременно достигнет такого блестящего развития, что оставит Лондон, Рим, Париж и Константинополь далеко позади.

Напротив города лежит остров Фарос. На нем был знаменитый маяк, одно из семи чудес света.

Фарос соединен с сушей молом, который делит бухту на две гавани – Большую и Эвност.

В городе музей (храм муз), где в эпоху греческих царей Птолемеев была самая обширная в древнем мире библиотека, в которой насчитывалось двести тысяч свертков рукописей при первом Птолемее и до четырехсот тысяч при его сыне, а рядом с ней научный центр, Посидион – храм Посейдона, Цезариум – храм божественного Юлия Цезаря и римских императоров, Сома – надгробное сооружение, где находилось тело Александра Македонского, а также театры, дворцы и рынки.

Все это было создано за две тысячи лет до Наполеона.

Часы показывают восемь утра. Главнокомандующий смотрит в подзорную трубу и видит башню Арабов, минареты городских мечетей, мачты турецкой каравеллы на якоре в порту. Он поднимается на пьедестал Помпеевой колонны, что на расстоянии пушечного выстрела от города, и рассматривает крепость в бинокль.

Бертье говорит, что Бонапарт желал начать переговоры, чтобы избежать кровопролития, «но страшный вопль, произведенный мужчинами, женщинами и детьми, и канонада из нескольких орудий показали намерение неприятеля».

Тогда главнокомандующий «велел ударить».

На штурм! Генералы Мену, Клебер и Бон проводят дерзкие атаки – без единой пушки! Первые два ранены (Клебер пулей в голову, Мену сброшен со стены и контужен), но цель достигнута.

Не зря Наполеон искал во Франции арабские литеры для своей походной типографии – они уже пригодились. Многочисленные прокламации на французском, арабском и турецком языках расклеены по всему городу. Царству мамелюков пришел конец!

При штурме погибли 15 человек и 60 были ранены.

«Как только Бонапарт сделался владетелем Александрии, так приказал транспортные суда ввести в порт города и приступить к выгрузке лошадей, амуниции и других предметов, на них находящихся».

Бертье пишет, что военные суда не могли войти в порт и остановились на дальнем от него расстоянии, на рейде. Затем последовала «продолжительная и трудная выгрузка с военных судов артиллерии».

Город сопротивлялся, но разграблен не был («Грабеж обогащает немногих, бесчестит всех, уничтожает ресурсы и делает нашими врагами тех, чье благорасположение нам нужно»). 700 турецких рабов, освобожденных на Мальте, Бонапарт отправил на родину.

Он быстро договорился с местными арабскими племенами. Их вожди подписали договор, по которому обязались держать открытой дорогу из Александрии в Даманхур для армии и отдельных лиц, представить в 48 часов 300 лошадей по цене в 240 ливров за животное и 500 дромадеров (одногорбых арабских верблюдов) по цене в 120 ливров, сдать в наем тысячу быстроходных верблюдов с погонщиками и вернуть взятых в плен французов. Бонапарт разделил с вождями трапезу и выдал задаток. Он провел в Александрии почти неделю и поручил шейхам и именитым гражданам «управление и суд».

Авангард генерала Дезе пошел на Даманхур тремя днями раньше Бонапарта. Армия, оставив раненого Клебера в Александрии во главе сильного гарнизона, двинулась на Каир через пустыню.

Туда же – вверх по Нилу – поплыли корабли контр-адмирала Перре, «отважного моряка из порта Сен-Валери-сюр-Сомм».

Испытание пустыней

Большие батальоны солдат в синих мундирах бредут по пескам.

Они высадились на берегах Африки, как некогда войско Людовика Святого.

Который стоял лагерем несколько месяцев, молился, пошел на врага, был разбит и попал в плен. Который в своем поклонении Всевышнему отнюдь не выглядел, как человек дела. И мы найдем мало общего между ним и вождем синих.

Тот не желает молиться старому Богу, но хочет *основать религию*, соединить Восток и Запад, стать властелином мира. Он видит себя едущим верхом на слоне с тюрбаном на голове и новым Святым Писанием в руках.

Обливаясь потом, его легионеры несут оружие, ранцы, боеприпасы и различное добро. Некоторые сходят с ума от жары и кричат, как дети.

Их привела сюда не божественная страсть, но план, рожденный в голове командира. Уверовавшего в свою Звезду во времена итальянской Илиады.

Наполеон не придавал значения погоде в странах, в которых осуществлял великие проекты. Он ждал от своих товарищей и соратников самопожертвования – и те совершали подвиги.

«Тот имеет право жертвовать чужими жизнями, кто своей не очень дорожит».

Кампании 1805—1807 годов он проводит в плохое время года, и люди страдают от холода, а зима 1812 года станет поистине катастрофической.

Планируя поход в Африку и Азию, он ни словом не упоминает о том, что боевые действия развернуться в самые жаркие дни – в июле-августе. Солдатам предстоит не только сражаться – они должны будут пересекать огненные и безжизненные пустыни.

Даже Дезе стушевался. Он писал Бонапарту из Богагире: «Ради Бога, не оставляйте нас в этом положении. Войско теряет бодрость и ропщет. Велите нам быстрее идти вперед или отступить: деревни ни что иное, как опустошенные хижины».

Вдобавок, племена, подписавшие договор в Александрии, получили «фетфу» улемов и шейхов Каира, приказывавшую взяться за оружие для защиты веры, что они и сделали.

Бедуины сопровождали пешие колонны, набрасываясь, словно акулы, на отставших воинов. Они пронзили копьями генерала Мюирера, когда тот неосторожно удалился на сто шагов от передовых постов во время стоянки под Даманхуром.

«Эта война… тяжелее войны в Вандее», – сравнивали генералы.

«Это не Италия!» – ворчали солдаты.

Замки и дворцы для генералов, хорошие дома для рядовых – вот что имела армия год назад. А Александрия – груда жалких лачуг. Местные французы («франки», а с ними и консул Магеллон) нахваливают красоты и богатство Каира, где живут арабы, берберы, нубийцы, копты, негры, европейцы, где много тонких и изящных минаретов и домов с колоннами, десятки пирамид и каменные сфинксы (человеко-львы) – но мыслимо ли дойти до него?

«Франки» знали в Египте только Каир, Розетту и Александрию, рассматривали страну «с верхушек мачт» и никогда не входили ни в одну деревню! Они стали посмешищем солдат.

Все плохо, все не в радость. У многих сдают нервы. На подходе к Даманхуру солдаты разных дивизий едва не перестреляли друг друга в ночной неразберихе.

Отцы города (шейх-аль-беледы, шахебы, саррафы, имамы, главные шейхи) пригласили генерала Дезе, друга Бонапарта, в ригу без окон и дверей. Дезе увлек туда патрона, и «штаб Итальянской армии» вкусил галет, испеченных в золе, запивая их чашкой молока, – и это хваленое восточное гостеприимство?

«Дорога из Александрии в Каир удивительно красива. По берегам Нила тянутся поля сахарного тростника, заросли миндаля и гранатовые деревья. В первый день дошли до Рашида,

который находился ровно в середине пути, а на следующий день нам подвели оседланных арабских скакунов, чтоб до Большого Каира мы ехали на лошадях».

Так писал армянин Рустам, который через год станет слугой Бонапарта. У него был свой путь до Каира, и он восхищался местной природой.

Солдаты республиканской армии не так восторженны. Они идут пешком, жара невыносима, вокруг пустота и ужасающая нищета, феллахи (местные крестьяне) «глупы, как их буйволы», нельзя достать ни воды, ни хлеба, ни вина. Колодцы заражены или засыпаны бедуинами.

«Куда он нас ведет? Ради чего все это? Надо быть безумцем, чтобы пускаться в такое предприятие!»

Прошла только неделя с начала пути, но уже созрел офицерский заговор. Бонапарт презрительно отверг ультиматум, и зачинщик генерал Мирер застрелился.

Кончают с собой не только из соображений чести: некоторые просто не выдерживают адских условий. По свидетельству канонира Брикара, «жара заставляла их бросать трофеи, и немало было таких, кто не вынес испытания и пустил себе пулю в лоб».

Бонапарт устроил чудовищный и несправедливый разнос молодому адъютанту Круазье: тот не смог уничтожить группу бедуинов, угрожавших штабу (хотя Круазье выполнил свой долг).

Когда отряд арабов напал на главную квартиру у Шеика, что недалеко от Даманхура, Бонапарт приказал:

– Круазье, возьми нескольких вожатых и прогони эту сволочь!

Адъютант бросился на врага вместе с пятнадцатью товарищами. Завязалась стычка, которую Бонапарт наблюдал из окна дома. После упорного боя арабы спокойно отступили, не понеся урона.

Когда генерал излил свой гнев на адъютанта и назвал его трусом, Круазье выбежал со слезами на глазах:

– Я не переживу этого, – сказал он Бурьенну, – я пойду на смерть при первом случае, который представится; я не могу жить обесчещенным.

Только утром 10-го июля армия достигла Нила у Рахмании. Люди – от солдата до генерала – бросились в реку, не снимая одежды.

Река? Тщедушный ручеек, теплая и мутная вода которого вовсе не освежает! И это – житница Рима и Константинополя? Немудрено, что и сам Египет, «дар Нила», столь убог!

Несколько человек умерли, выпив слишком много воды. Многие заболели дизентерией, наглотавшись арбузной мякоти.

Римлянин Бонапарт терпеливо разъясняет своим легионерам, что «воды Нила, который в данный момент так мало соответствует своей репутации, начинают подниматься, и скоро он оправдает все, что они о нем слышали; что они становятся лагерем на копнах ржи, и скоро у них будут мельницы и печи; что эта земля, столь голая, однообразная и печальная, по которой они передвигаются с таким трудом, скоро покроется нивами и даст обильный урожай, который напомнит им о плодородии берегов По и о тамошнем изобилии; что у них есть чечевица, бобы, куры, голуби, что их жалобы преувеличены, что жара, без сомнения, чрезмерна, но станет переносимой, когда они будут на отдыхе и переформировании; что во время итальянских кампаний переходы в июле и августе также были весьма утомительными».

Напрасный труд! Ему не верят. Куры и голуби? Он в самом деле думает накормить ими многотысячную армию? Зачастую, он сам съедает на обед лишь тарелку чечевицы. Генералы и офицеры возмущаются пуще солдат. Наполеон признает, что «несколько солдат бросились в Нил, чтобы найти в нем быструю смерть».

Откровенно говоря, и сам он не в восторге: «При высадке в Египте меня удивило, что от былого величия у египтян я нашел только пирамиды и печи для приготовления жареных цыплят».

Ученые ведут себя не так, как солдаты и офицеры. Они уже находят то, зачем сюда пришли. Всюду, где виднеются следы древности (а они лежат на поверхности, и чтобы завладеть ими, даже лопат не нужно!), – члены Комиссии по наукам и искусствам останавливаются, быстро что-то находят и берут с собой.

Значит, это они надоумили правительство снарядить экспедицию! Ученых стали называть ослами. Поскольку «главные академики» (Монж и Бертолле) все еще находились на кораблях флотилии, Комиссией по наукам и искусствам руководил одноногий генерал, военный инженер Каффарелли дю Фальга (или просто Каффарелли) – человек высокой нравственности, благородный и одержимый, обладавший огромной энергией и глубокими познаниями. Он имел способности проповедника и любил «читать мораль» солдату. Генерал вновь и вновь убеждал людей, что их миссия прекрасна, а страна, в которой они находятся, еще изумит своими красотами.

– Ей-богу, – ответил ему один острослов, – вам на это наплевать, потому что у вас одна нога во Франции!

Имя автора шутки неизвестно, но она быстро передавалась из уст в уста, доставив изможденным людям несколько веселых минут.

Наполеон отмечает, что солдаты помогали ученым и уважали их, а вспышка возмущения была связана с тяжелейшими условиями похода.

Да и что должно произойти, чтобы француз утратил веселость?

Солдаты проявляли находчивость: толкли рожь, добывая муку, жарили зерно на сковороде, а затем варили его жареным.

Когда возникала опасность, командовали: «Ослов и ученых в середину!» В середину – значит в центр каре, ощетинившегося штыками строя пехотинцев.

(Поскольку ученых называли ослами, то достаточно было короткой команды: «Ослов в середину!»)

Так было, например, в сражении у Шубрахита, где французы впервые столкнулись с многочисленной конницей мамелюков.

Каждый из этих всадников был вооружен саблей, карабином, мушкетоном, четырьмя пистолетами и обслуживался тремя-четырьмя пешими слугами.

По обычаю, эти отважные воины-феодалы, угнетатели феллахов-землепашцев и арабов-купцов, носили с собой все свое золото и драгоценности, чтобы уйти на тот свет вместе с ними. Ценными камнями усыпаны их ятаганы, а одежда изумительно роскошна.

Наполеон соглашался с тем, что один мамелюк сильнее одного французского всадника, но при столкновении двух отрядов численностью по двести человек с каждой стороны лучшие шансы были на стороне европейцев, потому что мамелюки сражались беспорядочно.

Османы, янычары, мамелюки

Молодой генерал Буонапарте хотел устроиться – по примеру графа де Бонваля – в армию турецкого султана, но не осуществил задуманного.

В те времена французы нередко помогали туркам в военном строительстве, и Бонапарт мог бы стать одним из иностранцев на службе у восточного тирана.

Наполеон – это великие реализованные возможности и уникальные несбывшиеся мечты. Он не стал служить Турции, а через несколько лет уже воевал против нее. Его не приняли в русскую армию, и он пришел в Россию во главе своей.

Союзники станут врагами, и, в конце концов, он утратит всех друзей без исключения.

Вихрем ворвавшись в загадочный мир Востока, Бонапарт затронул и нарушил связи настолько чужеродные и непонятные европейцу, что при ближайшем их рассмотрении тому становится не по себе.

Может ли царь быть рабом?

Вопрос настраивает на философский лад, и первым ответным побуждением, возможно, будет следующее: все мы рабы обстоятельств, а цари – худшие из рабов и т. п.

Но когда мы думаем об Оттоманской империи, то философию в данном случае можно отбросить, а формулу «царь – это раб» принять, как точное отражение сущности бытия.

Семья султана – семья рабов, ибо матери детей султана были рабынями. Великий султан – сын раба. Его дочь могла выйти замуж за аристократа (визиря или пашу), если это нравилось отцу. Такой брак был чем-то случайным, в то время как титул «кул» (раб) – постоянным. Сыновья султана (по европейским понятиям – наследные принцы) женились исключительно на рабынях.

Турецкая правящая элита (султан и его семья, придворные, чиновники и армия, а также те молодые люди, которых обучали искусству управлять) пополнялась лицами, родившимися от христианских родителей. Все эти люди высокого общественного положения считались рабами султана. В любой момент он мог низвергнуть их в мрачное небытие. Должность, состояние, заслуги не имели при этом никакого значения.

А семья самого султана? Мехмет II Завоеватель получил *разрешение* убить своих братьев (для этого был издан соответствующий закон), «чтобы сохранить в мире мир». Он объявил это предписание *обязательным*, а не просто разрешенным, и его последователи соблюдали эти правила.

Здесь уместно остановиться и хорошенько поразмыслить.

Что это за «элита», которая на самом деле является отрицанием всякой элиты? Разве европейские дворяне, гордившиеся тем, что являются потомками участников крестовых походов, способны понять это свирепое пренебрежение наследственным правом? Разве юрист не содрогнется от сознания отсутствия гуманного закона, а чиновник – от того, что всякая гордость положением здесь неуместна, а сословная солидарность смешна? Каждый человек – атом, лишенный устойчивых социальных связей и какой бы то ни было защиты. Важны лишь индивидуальное честолюбие, строгая дисциплина и мощь батальонов.

«Оттоманская система… брала мальчиков с пастбищ и от плуга и делала их супругами принцесс; она брала молодых людей, чьи предки веками носили христианское имя, и ставила их правителями великих магометанских государств, воспитывала из них солдат и генералов непобедимых армий, и они с восторгом сшибали крест и поднимали полумесяц. Она никогда не спрашивала у своих мальчиков: «Кто твой отец?», или «Что ты знаешь?», или даже «Можешь ли ты говорить на нашем языке?». Но она изучала их лица и телосложение и говорила: «Ты будешь солдатом, а если покажешь себя достойным, то генералом!» или «Ты будешь ученым и знатным человеком, а если проявишь способности, то губернатором или премьер-министром».

Полностью игнорируя тот глубинный механизм, который называется человеческой природой, и те религиозные и социальные нормы, которые, кажется, диктуются самой жизнью, оттоманская система навсегда отнимала детей у родителей, лишала их семейной заботы, отказывала в праве на владение собственностью, а семьям не давала никаких гарантий относительно будущего их дочерей и сыновей, не перемещала их по социальной лестнице, но учила их чуждому закону, чужой этике, чужой религии и всегда заставляла помнить, что над их головами висит меч, который в любой момент может положить конец блестяще начатой карьере», – писал американский историк Лайбайр.

Почему нельзя было назначить на высокую должность сына богатого мусульманского феодала? Да потому, что гордый своим происхождением и религией, он станет опасным. Конфликт личности с установленным порядком общественных отношений неизбежно породит заговор.

Противоестественная система рухнула тогда, когда свободные мусульмане вошли в пространство придворных «рабов-овчарок».

Первые послабления допустил Сулейман Великолепный, давший ход сыновьям янычар. Селим II сделал еще один рискованный шаг, расширив права местной мусульманской знати и тех же янычар.

Кто они, эти рыцари Востока?

Фламандский ученый и дипломат Ожье Эселин де Бусбек в 1555 году наносит визит в лагерь Сулеймана Великолепного. В одном из четырех «Турецких писем» он рисует картину строгую и жутковатую: «Штаб султана был наполнен помощниками, включая и высших чиновников. Вся кавалерийская гвардия была представлена там, кроме того, присутствовало большое число янычар. Никто из присутствующих не демонстрировал своего превосходства, а все старались показать свои добродетели и храбрость; никто не кичился своим рождением, ибо честь здесь соответствует занимаемой должности и характеру исполняемых им обязанностей. Таким образом, нет никакой борьбы за первенство, каждый знает свое место и свои функции. Сам султан распределяет обязанности и должности и сам оценивает достоинства и уровень претензий своих подданных, не обращая внимания на богатство, влиятельность или популярность кандидата. Он смотрит только на деловые качества и природные задатки». «Представь густую толпу людей. Головы в тюрбанах… Что особенно поразило меня, так это выдержка и дисциплина. Никаких возгласов, шушуканья. Каждый был очень спокоен. Офицеры сидели… солдаты стояли. Самое примечательное зрелище – длинная шеренга янычар в несколько тысяч, которая, не шелохнувшись, стояла позади всех, и поскольку они были от меня на некотором расстоянии, то я некоторое время сомневался, люди это или статуи, пока наконец не догадался поприветствовать их. Они дружно поклонились в ответ на мое приветствие…»

29-летний генерал Французской Республики Наполеон Бонапарт во главе своей армии решительно потревожил периферию Оттоманской империи, вторгнувшись во владения египетских мамелюков.

Талейран планировал обеспечить дипломатическое сопровождение дерзкого предприятия. Одновременно с высадкой армии на африканский берег, в Константинополь должно было прибыть «торжественное посольство», располагающее всеми необходимыми средствами.

Еще в 1775 году мамелюки заключили договор с Индийской компанией, детищем «английской олигархии». Французские торговцы стали притесняться. Правительство французского короля пожаловалось Порте, и в 1786 году султан направил против мамелюкских беев капудан-пашу Хасана. Это поправило дело, но лишь на короткое время. Началась революция, и французская торговля вновь стала подвергаться преследованиям.

Порта умывала руки: она ничего поделать не может, мамелюки – «люди жадные, безбожные и мятежные». Однако она дала понять Директории, что отнесется к экспедиции в Египет терпимо.

В средние века арабская цивилизация Айюбидов, напрягая силы, боролась с крестоносцами (то было время легендарных походов Людовика Святого). Для защиты власти она привлекла мамелюков, которые в 1250 году свергли самих Айюбидов.

Мамелюки («невольники») – «самовоспроизводящееся войско», в течение нескольких веков пополняемое кавказскими и евразийскими рабами, – представляли собой исторически уникальную силу, с помощью которой арабы, а затем османы господствовали над Египтом.

«Мамелюки рождаются христианами, покупаются в возрасте 7-8 лет в Грузии, в Мингрелии, на Кавказе, доставляются константинопольскими торговцами в Каир и продаются беям. Они – белые и являются красивыми мужчинами. Начиная с самого низшего положения при дворе бея, они постепенно возвышались, становясь мультазимами в деревнях, киашифами или губернаторами провинций и, наконец, беями. В Египте их род не продолжался. Обычно они вступали в брак с черкешенками, гречанками или иностранками. У них не бывало детей или же дети, рождавшиеся от этих браков, умирали, не достигнув зрелости. От браков с коренными жительницами у них рождались дети, доживавшие до старости; однако род их редко продолжался до третьего поколения, что вынуждало их пополнять свои ряды путем покупки детей на Кавказе. Количество мамелюков – мужчин, женщин и детей – исчислялось в 1798 году 50 тысячами», – писал Наполеон.

Мы видим, что мамелюкское общество построено на тех же принципах, что и турецкое.

Два с половиной века мамелюки властвовали безраздельно, пока не столкнулись с османами. Оружия они не сложили, Порте подчинялись лишь формально. В XVII—XVIII веках она ослабла, и оттоманский паша в Египте оказался их узником.

Когда Наполеон пришел в Египет, турецким султаном был Селим III. В начале его правления французский посланник граф Шуазель-Гуфье говорил о молодом владыке, что тот обещает стать вторым Петром Великим.

Прусский посланник Дитц доносил своему двору, что «этот государь стоит по способностям и деловитости, несомненно, выше своего народа, и, кажется, ему суждено стать его преобразователем».

Сражаясь с мамелюками в Египте, Бонапарт пытался не только избегнуть войны с Турцией, но и сблизиться с восточной империей.

В первые дни французского вторжения султан никак себя не проявил. Между тем, в Каире происходили бурные события. Ибрагим-бей, один из двух (вместе с Мурад-беем) «египетских дуумвиров», собрал на совет всю каирскую знать. Там были мамелюкские беи, улемы и другие вожди, на время забывшие про внутренние распри. Присутствовал турецкий наместник. Из своей резиденции в Гизе прибыл Мурад-бей, и именно его поставили во главе мамелюкского войска.

Известия о первых неудачах заставило беев и шейхов взяться за организацию обороны столицы. Тысячи людей строили укрепления. Чтобы прокормить их, ввели специальный налог. Купцы делали пожертвования, а духовенство устроило шествие со знаменами, музыкой и молитвами.

Ослов в середину!

19-го июля члены экспедиции увидели великие пирамиды.

«Они казались тремя огромными скалами», – пишет Наполеон. Здесь мамелюки надеялись остановить пришельцев.

Тем временем, французский речной флот, значительно уступавший вражескому по численности, медленно поднимался по Нилу. По мере возможности, на суда передавали больных и переутомленных. Туда же Бонапарт отправил Бурьенна и тех, «которые не носили оружия… и не могли быть полезными в сражениях, и на лошадях коих можно было посадить несколько человек».

Корабли не могли все время двигаться параллельно армии, поскольку парусам требовался постоянный ветер в нужном направлении. Флотилия то опережала войско, то отставала.

У Шубрахита сражались не только пехотинцы и кавалеристы, но и моряки: пять кораблей французов против семи мамелюкских. Бой перешел в рукопашную схватку. Солдаты, матросы, ученые – все проявили себя в этот день.

«Монж, Бертолле, секретарь Бурьенн, находившиеся на флотилии, в момент опасности вели себя хладнокровно и безропотно», – отметил Наполеон.

Членам Комиссии по наукам и искусствам пришлось взяться за оружие, участвовать в рукопашной схватке – где безопасность, обещанная главнокомандующим? Многие ученые были шокированы невниманием со стороны военных. Но до наук ли было тем в тревожные июльские дни?

Побоище продолжалось больше трех часов. Наконец, Бонапарт смог выделить полевую артиллерию для поддержки флота. В полдень мусульманский флагман был взорван удачным выстрелом французской пушки.

«В продолжение одиннадцати дней, – вспоминает Бурьенн, в то время пассажир шебеки Перре, – мы вынуждены были питаться только арбузами и водою, ежеминутно подвергаясь выстрелам арабов и феллахов».

Уже первые стычки показали ошеломляющее превосходство французов в тактике ведения боя. Ведь обычно 10 000 мамелюков не боялись атаковать в чистом поле 50 000 пеших османов, а здесь они всюду оказывались битыми.

Уж ни колдун ли вождь французов? Он будто держит своих солдат связанными толстой белой веревкой! Его называли также «отцом огня» – так смертоносна была артиллерия «неверных».

20-го июля армия отдыхала, затем Бонапарт дал приказ о подготовке к решающему бою.

21-го в два часа ночи армия выступила в поход, рассеяла авангард мамелюков, а в восемь утра «тысячи солдатских глоток испустили крик радости при виде четырехсот минаретов Каира».

Их не обманули, это действительно чудесный город, светлый и сверкающий великолепием!

Каир замер в ожидании. Отцы, матери, жены, дети арабских воинов и мамелюков верили в победу своей многочисленной армии. Они заняли правый берег Нила, чтобы наблюдать за решающей битвой. Местные жители думали, что в случае поражения станут рабами европейцев.

Ибрагим-бей так описал французские войска: «Неверные, которые пришли сюда сражаться с нами, имеют ногти длиной в один фут, огромные пасти и свирепые глаза. Это дикари, обуреваемые Иблисом (дьяволом), и они идут в бой, скованные цепями».

Построившись в пешие дивизионные каре, имевшие по шести рядов в строю, прикрыв уязвимые места этих четырехугольников пушками и ротами гренадер, французы приготови-

лись отразить атаки храбрых всадников. В каре укрылись и ученые, и кавалерия, и обозы с лошадьми и мулами, и сам главнокомандующий со своим штабом.

Пустынная равнина, покрытая редкими пальмами, стала ареной легендарного и экзотического боя, в котором стойкость и выучка солдат революционной Франции взяли верх над первобытным фанатизмом всадников Аллаха.

Бой был «асимметричным» – пехота против элитной кавалерии.

Наполеон всегда уважительно относился к противнику. О главнокомандующем мамелюками Мурад-бее, славившемся опытностью и колоссальной физической силой, он отозвался так: «Природа наделила его величием, блестящим мужеством и проницательностью. Он охватил мысленным взором все поле сражения с таким искусством, которое сделало бы честь самому законченному полководцу».

Бонапарт, стоя посреди каре генерала Дюгуа, также видел всю «шахматную доску» и призвал соратников хранить выдержку перед грядущей угрозой.

(Прошло тринадцать с половиной часов с начала этого длинного и жаркого дня – выдержка, в самом деле, требовалась незаурядная!)

Он воскликнул: «Солдаты, сорок веков взирают на вас с вершины этих пирамид!»

«… Наполеон сознавал, – пишет английский историк Арнольд Тойнби, – что прикоснулся к струне, звук которой способен тронуть даже невежественное сердце самого грубого солдата… Можно быть уверенным, что Мурад-бей… и не подумал подбодрить своих нелюбознательных товарищей аналогичным напоминанием».

Своим призывом Бонапарт напомнил соратникам, что они – представители нации Вольтера и Руссо, что любой француз – философ, и, кроме того, – еще и личность, делающая Историю!

Наконец, в половине четвертого мамелюки со страшными криками бросились в атаку против двух каре. Они стреляли из шести видов оружия: из ружья, мушкетона и двух пар пистолетов. Одну пару они носили на седельной луке, другую – на груди. Копье нес один из ополченцев, следовавших за ними пешком.

Помогая друг другу, французские легионы отразили наскоки, перестроились в штурмовые колонны, отрезали врагу пути отступления и не оставили кавалеристам иного исхода, кроме как спасаться вплавь по Нилу.

Мамелюки тонули, французы расстреливали их в воде. Пехота азиатов и африканцев под началом Ибрагим-бея так и не вступила в бой. Потеряв 29 человек убитыми и 260 раненными, Бонапарт разгромил огромную армию.

К ночи Мурад-бей отступил и приказал сжечь суда, на которых находились сокровища Египта. Золото и камни конных феодалов, жертв трагедии, вовсе не ушли с ними на тот свет, а стали добычей победителей. Еще несколько дней солдаты вылавливали трупы мамелюков, на многих из них находили по 200—300 золотых монет.

Хотя дул сильный северный ветер, флотилия не появлялась. Бонапарт беспокоился. Наконец, пришла весть от контр-адмирала Перре: суда сели на мель, нужно ждать подъема воды.

Население Каира, предчувствуя перемену власти, грабило дома беев. Шейхи прислали депутацию во главе с заместителем паши в Гизу, где находился Бонапарт. Теперь он – «султан Кебир» (Великий султан).

«Жители Каира, я доволен вашим поведением… Я пришел, чтобы уничтожить род мамелюков, защищать торговлю и коренных жителей страны. Пусть все, кто охвачен страхом, успокоятся; пусть те, кто удалился, – вернуться. Пусть моление происходит сегодня, как обычно… Не бойтесь за свои семьи, дома, имущество и особенно за религию пророка, которого я люблю… Будет созван Диван из семи лиц, которые соберутся в мечети Вер…»

23-го и 24-го июля Бонапарт принимал многочисленные депутации знати, выражавшей ему свою покорность. Он имел блестящего переводчика – «гражданина Вантюра, который провел 40 лет в Константинополе и различных мусульманских странах; это был первый востоковед Европы; он переводил все его речи с легкостью и изяществом и таким образом, чтобы произвести нужный эффект».

25-го июля главнокомандующий въехал в Каир и выбрал для себя дом Эльфи-бея, на площади Эзбекия, на окраине города. Позднее архитектор Лепэр изменит его планировку и построит красивую лестницу – жилище станет по-настоящему французским. Европейцы, жившие в Каире (французы, венецианцы и англичане), предоставили хорошую мебель. Дом имел красивый сад.

Как там Жозефина? Ни пора ли послать за ней корабль? Бонапарт пишет старшему брату: «Будь внимателен к моей жене – навещай ее изредка».

Мамелюки бежали, а Наполеон успокоил их жен, использовав влияние богатой супруги Мурад-бея, очень уважаемой в городе. Он направил к ней пасынка Евгения, выразив тем самым свое почтение. Посланец передал документ, закреплявший за женщиной владение всеми ее деревнями. Любопытство многочисленных рабынь было безграничным: всем хотелось увидеть юного красавца. Грациозная Ситти-Нафиза предложила семнадцатилетнему капитану прекрасно сервированный ужин и подарила дорогое кольцо.

Впрочем, пришлось немного расстроить жен храбрецов. Поскольку казна армии нуждалась в пополнениях, Бонапарт обязал женщин, «по обычаю страны», выкупить богатства их мужей, внеся соответствующие вклады.

Он разбил мамелюков, покорив тем самым Нижний Египет, и приложил все усилия для того, чтобы сохранить хорошие отношения с Портой.

Бонапарт приказал повсюду вывешивать турецкий флаг рядом с французским, продолжать молиться в мечетях за султана. Он пошел навстречу пожеланиям Порты в выборе кандидатур на важные посты.

Когда турецкая каравелла собралась вернуться в Константинополь, Бонапарт приказал произвести на ней ремонт, снабдил моряков провизией за свой счет и отправил с нею господина Бошама – ученого астронома, долго жившего в Константинополе и на Черном море. Тот должен был выполнить важное дипломатическое поручение в Дамаске.

Ибрагим-бей, избежавший столкновения с французами в битве у Пирамид, был настигнут и наголову разбит у Салихии. В этом сражении был тяжело ранен храбрый офицер Сулковский.

Бонапарт считал его погибшим.

– Не могу, – сказал он Бурьенну, – довольно похвалить характер, отличную храбрость и непоколебимое хладнокровие моего бедного Сулковского. Он пошел бы далеко; это был бы драгоценный человек для того, кто бы вознамерился воскресить польское государство.

Академиков просят собраться

Причалила флотилия. Члены Комиссии по наукам и искусствам, истомившиеся долгим ожиданием, сошли с корабля «Монтенотте», названного в честь феерической победы Бонапарта в Италии, сгибаясь под тяжестью собственных вещей и научного оборудования.

По дороге в город они видели древние кладбища и руины арабских поселений. Наконец, ученые достигли цели, но в доме Каффарелли ничего приготовлено не было – у военного человека и без того много дел.

Где достать питьевую воду? Жить у арабов опасно, а снять жилье в домах европейцев непросто. Ученые, пожираемые москитами, ютились в комнатах, в каждую из которых набивалось по 10—20 человек.

Условия труда оказались еще ужаснее. Бедуины часто нападали на «знающих людей».

Между тем, Бонапарт торопил ученых. Он хотел, чтобы они стали в Египте таким же «Институтом», каким была Академия для Франции. Он издал приказ, ответственными за исполнение которого назначил Монжа и Бертолле.

Через 18 часов после того, как приказ вступил в силу, Бонапарт предписывает «гражданам Монжу, Бертолле, Каффарелли, Жоффруа Сент-Илеру, Костазу, членам Национального Института, гражданам Деженетту и Андреосси встретиться в зале Института в семь часов утра для того, чтобы установить основы, на которых будет организован Институт в Каире, и назначить его членов».

Днем создания Института в Египте считается 22 августа 1798 года. Его первыми членами стали:

по отделению математики: Андреосси, Леруа, Бонапарт, Малю, Костаз, Фурье, Нуэ, Жирар, Кусно, Лепэр, Сэй;

по отделению физики: Бертолле, Деженетт, Шампи, Доломье, Конте, Дюбуа, Делиль, Жоффруа Сент-Илер, Декотиль, Савиньи;

по отделению политической экономии: Каффарелли, Сулковский, Глотье, Сюси, Поссельгуэ, Тальен;

по отделению литературы и изящных искусств: Денон, Рафаель, Дютертр, Редуте, Норри, Ригель, Парсеваль Гранмезон, Вентур.

Еще пятнадцать членов были выбраны позднее:

генералы Клебер, Дезе, Ренье, Дюгуа;

хирург Ларрей (заменил ушедшего в отставку Дюбуа);

фармацевт Буде;

Бурьенн, секретарь Бонапарта (заменил ушедшего в отставку Сюси);

астроном и консул Бошам;

геометр Корансез (заменил Каффарелли);

археолог Риполь (заменил Вентура, умершего от дизентерии);

архитекторы Лепэр и Протэн;

художник Риго;

инженеры Ланкре (заменил Сэя) и Жакотэн.

В своей торжественной речи Бонапарт снова (как и в Париже) говорил о том, что торжество над невежеством есть величайшее из торжеств, а успехи его оружия суть успехи просвещения.

Президентом Института в Египте был избран 52-летний Гаспар Монж, видный математик, автор классических учебников, директор Политехнической школы и наиболее опытный

сотрудник Бонапарта (он помогал молодому командиру Итальянской армии отбирать произведения искусства в качестве трофеев победителей, и отправлял их в Париж).

22 августа вышло постановление, в котором содержалось 26 статей.

Цели Института были определены так:

– способствовать прогрессу и пропагандировать просвещение в Египте;

– проводить исследования, изучать естественную историю, хозяйство и историю Египта и публиковать результаты работ;

– высказывать мнения по вопросам, вносимым правительством.

Институт состоял из четырех отделений, в каждом из которых было 12 членов. Высшие офицеры армии имели право присутствовать на всех заседаниях Комиссии. 23-я статья постановления предусматривала ежеквартальную публикацию Записок, а 24-я – присуждение двух ежегодных премий (одна за достижения в гуманитарной области, другая – за технические достижения).

Комиссия разместилась во дворце высокопоставленного оттоманского чиновника на юго-западе Каира, недалеко от резиденции Бонапарта.

Дворец был переделан. Заседания проходили в большом зале гарема; в других помещениях находились типография с французским и арабским шрифтами, химическая лаборатория, кабинет физики, библиотека и обсерватория. Дворец был очень уютный; в нем царили, по словам Денона, «исключительная тишина и спокойствие».

Первое заседание Института состоялось 23 августа 1798 года. Председательствовал Монж, заместителем был Бонапарт, обязанности постоянного секретаря исполнял Фурье, который станет «душой Института».

Члены Комиссии были распределены по десяти категориям с учетом их компетентности и получали денежное содержание в размере от 50 до 500 ливров в месяц.

Бонапарт предложил ученым обсудить ряд проблем, разных по значимости, но весьма актуальных: строительство печей для обеспечения армии хлебом, использование местных растений вместо хмеля при изготовлении пива, возможные средства для очистки Нила, постройка ветряных мельниц, способы производства пороха, состояние законодательной системы Египта.

За три года члены Института и Комиссии провели сорок восемь заседаний. Обсуждались вопросы практические и более отвлеченные. Вот их темы: метеорология, единицы времени, культура виноделия, офтальмия (болезнь, вызывающая временную слепоту) и т. д.

Институт привлекал внимание населения: что это за люди, столь серьезные и задумчивые, которые не управляют и не молятся? кто они – колдуны, алхимики?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.